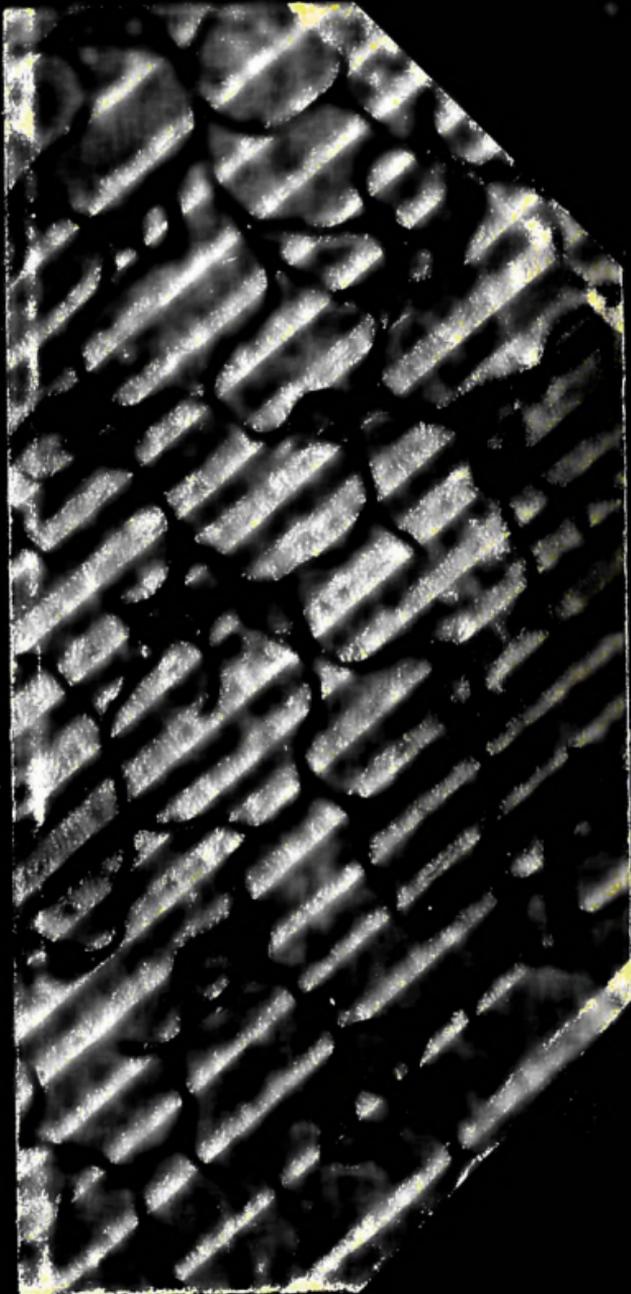

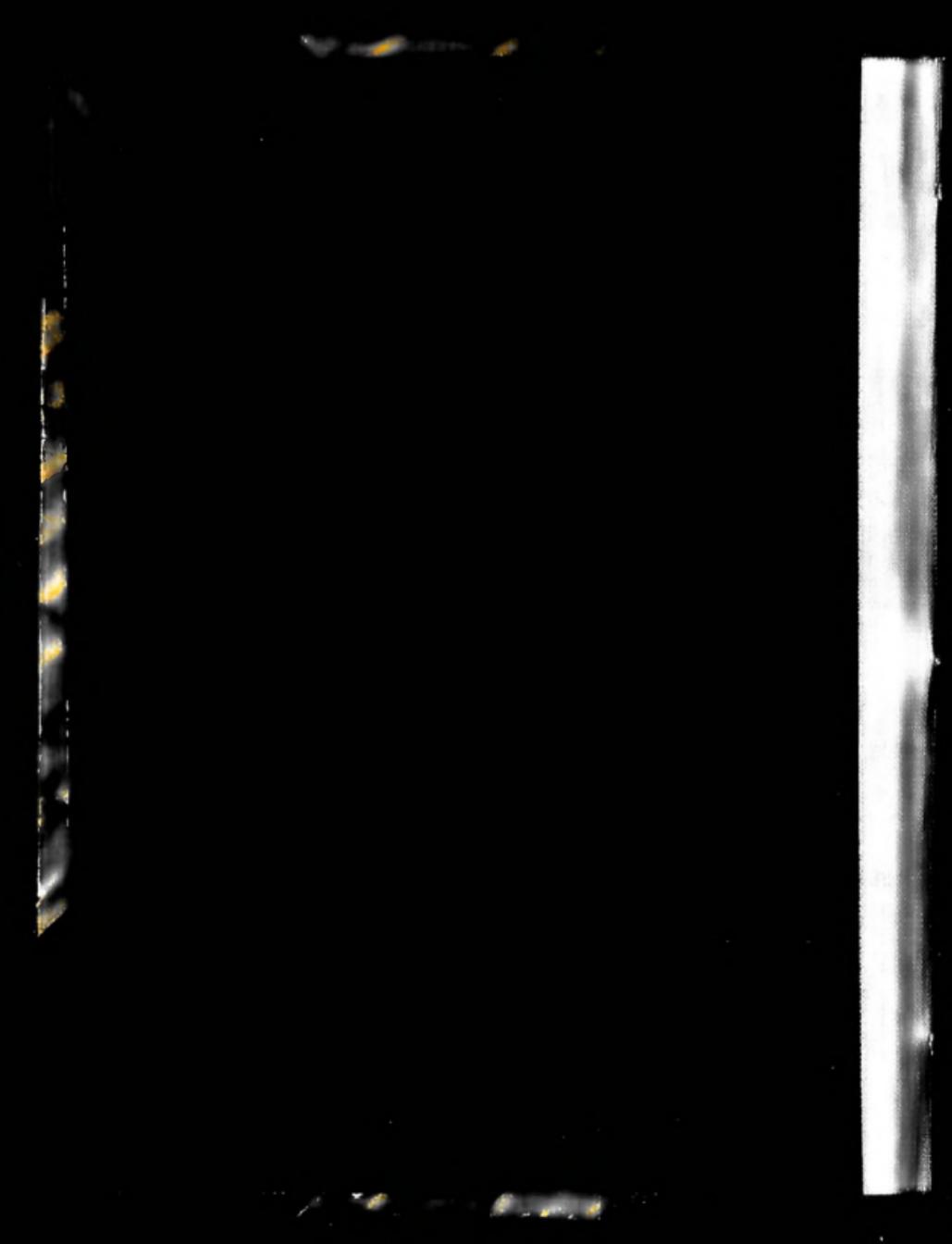
ВНИМАНИЕ
КАК
ИЛИ ИЛИ ИЛИ
ИЛИ ИЛИ
ИЛИ ИЛИ ИЛИ
ИЛИ ИЛИ ИЛИ

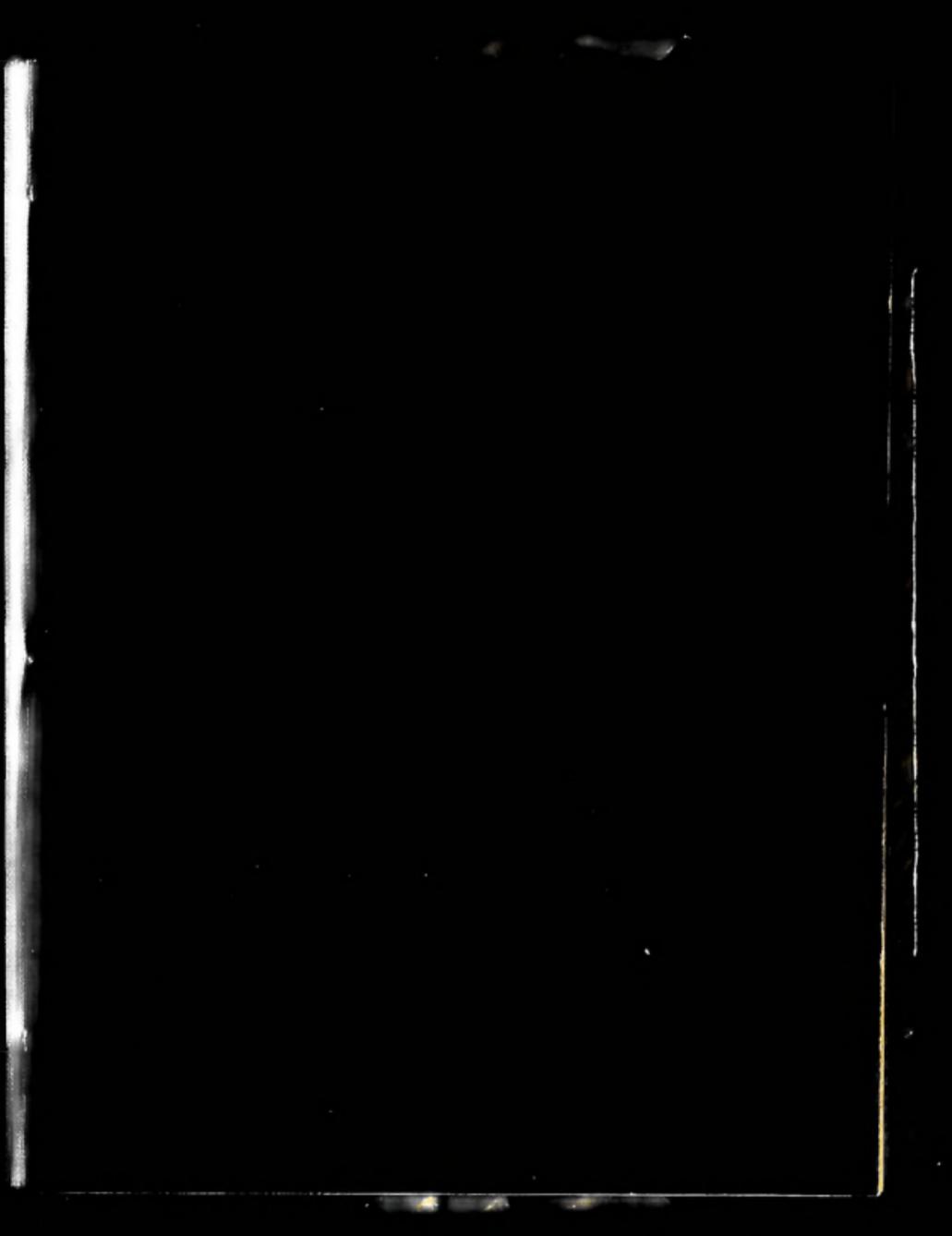
ИНСТИТУТ ЛЕННА
БИБЛИОТЕКА

EH121

K1792

ЕН121

К1792

ИТ

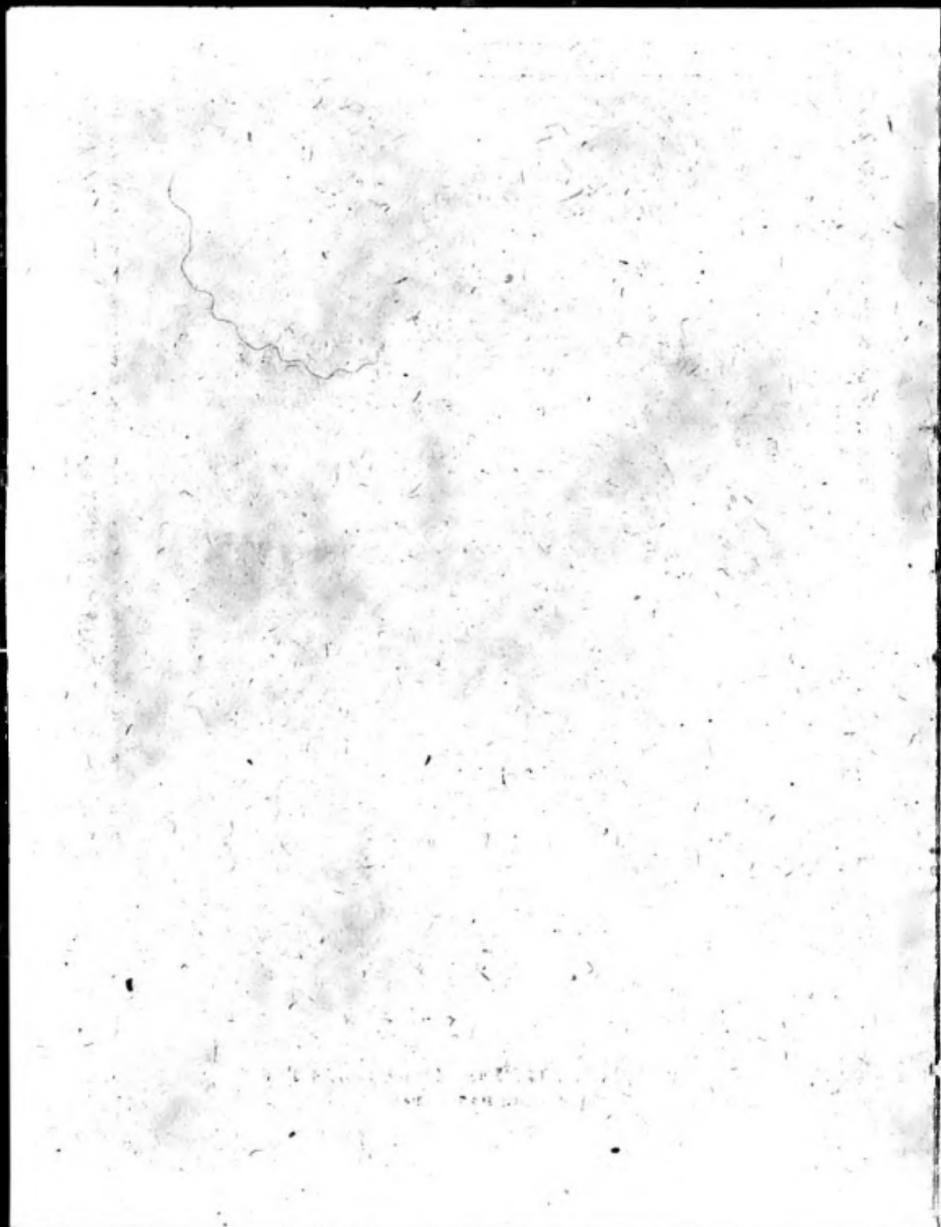
КАК НЕ НУЖНО

ПИСАТЬ

ИСТОРИЮ ОКТЯБРЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД · 1924

ЕН 121
К 179₂

Бухарин, М.И.
Х

КАК НЕ НУЖНО
ПИСАТЬ
ИСТОРИЮ ОКТЯБРЯ

(По поводу книги тов. Троцкого «1917»)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД • 1924

15 Фис

ЕН121
К179.2

(183-1924)

1050158

КАК НЕ НУЖНО ПИСАТЬ ИСТОРИЮ ОКТАБРЯ.

(По поводу книги тов. Троцкого: «1917».)

Недавно вышедшая книга тов. Троцкого («1917»), посвященная «урокам Октября», быстро делается «модной» книгой. Это не мудро, ибо она бьет на внутривнутрипартийную сенсацию.

После того как итоги истекшего года *доказали* всю неправоту нашей партийной оппозиции, после того как *факты* доказали еще и еще раз правильность руководства в нашей партии, тов. Троцкий вновь поднимает дискуссию, но уже «иными средствами». Предисловие к книге (а в этом предисловии, равно как и в примечаниях к ней, ее «гвоздь») написано полупроповедским языком, так что для совсем неопытного читателя пройдут незамеченными намеки и полунамеки, которыми наполнено это предисловие. Этот своеобразный шифр (продвигающий у тов. Троцкого, несмотря на требование «критической ясности»), необходимо все же расшифровать. Ибо работа тов. Троцкого, претендующая на роль спутника в деле «изучения Октября», грозит превратиться в спутника «всякой

настоящей и будущей дискуссии». Она ведь берет на себя, по сути дела, ответственность за выступление против линии, взятой как партией, так и Коминтерном, при чем она вовсе не носит характера теоретического анализа, а больше похожа на политическую платформу, на базе которой можно будет вести подкоп против точных, принятых соответствующими съездами решений.

Книга тов. Троцкого написана не только для русского читателя — это без труда увидит всякий. В значительной мере она написана для «информации» зарубежных товарищей. Теперь, когда в целом ряде компартий на очереди дня стоит проблема их «большевизации», когда, несомненно, интерес к истории нашей партии поднимается, книга тов. Троцкого может сослужить плохую службу. Она не только не научит большевизму, но в известной мере будет фактором «разбольшевиживания» иностранных компартий — настолько одиозно, односторонне, а иногда и чудовищно неверно она излагает события, пытается их анализировать и сделать выводы, касающиеся современности.

Вот почему необходимо дать критический разбор этой новой работы тов. Троцкого. Ее нельзя оставить без ответа. Можно высказывать лишь сожаление, что тов. Троцкий, который делает неправильные выводы из «уроков Октября», не хочет делать никаких выводов из более близко к нам лежащей «эпохи» прошлогодних споров. Лучшей проверкой точек зрения, как это признает и сам тов. Троцкий, является опыт, сама жизнь. А жизнь показала, что руководящая и партийно-признанная линия политики не только

не привела страну «на край гибели», как это предрекала прошлогодняя оппозиция, пророчившая этой «стране» все казни египетские, но сравнительно быстро двигает страну вперед, несмотря на такие независимые ни от какой «платформы» явления, как неурожай и проч.

С другой стороны, накопилось громадное множество новых задач в новой обстановке: трудностей, связанных с процессом *роста*. Вся партия хочет поэтому, раньше и прежде всего, деловой работы под таким руководством, которое проверено опытом, на «платформе», этим опытом проконтролированной. Вот почему менее всего желательно было бы поднимать, хотя бы и в иной форме, старые споры.

Но тов. Троцкий счел уместным это сделать. На нем, конечно, лежит за это полная ответственность. Волей-неволей приходится отвечать на эту книгу, ибо партия не может допускать, чтобы без возражений оставалась пропаганда, направленная против решений, которые партия с такою дружностью и с таким единодушием принимала. Постараемся же посмотреть на тот идейный багаж, который тов. Троцкий представил теперь в распоряжение партии, на те «уроки», которые он получил от Октября и любезно преподает сейчас нашим молодым и старым товарищам.

I. ВОПРОС ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКЕ.

Осю рассуждений тов. Троцкого является представление о значении различных периодов в истории нашей партии. По существу у него дело обстоит

так: весь период партийного развития до Октября, это — нечто совершенно второстепенное; только момент захвата власти решает вопрос, только этот период выделяется из всех остальных, только тут мы имеем возможность проверить классы, партии, их руководящие кадры, отдельных лиц.

Теперь заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г., значило бы — заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции, — совершенно так же как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду. (XVI.)

Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфали в момент своего Октября. Здесь Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей... (65.)

В этих положениях — только *половина* правды, и поэтому из них можно сделать (а тов. Троцкий это и делает) совсем уж *неправильные* выводы.

Тов. Троцкий говорит компартиям: изучайте Октябрь, чтобы победить: нельзя *обходить* Октябрь.

Конечно, нельзя. Точно так же, как нельзя забывать ни о 1905 годе, ни об особо поучительных годах реакции. Но кто, где и когда предлагает эту несуразность? Кто, где и когда мог отважиться на то, чтобы вынести такой вздор на свет божий?

Этого никто не предлагал. Но именно для того, чтобы *понять условия октябрьской победы*, нужно обязательно выйти за пределы непосредственной подготовки к восстанию. Ни в коем случае нельзя *отрывать* одно от другого. Ни в коем случае нельзя оценивать группы, лица, течения вне связи с тем периодом подготовки, который тов. Троцкий сопоставляет с упражнениями в споре «о системах плавания». Конечно, в «критический период», когда речь идет о решительном бое, все вопросы становятся ребром, и все оттенки, течения, группировки имеют тенденцию обнаруживать свои наиболее характерные внутренние, им присущие свойства. Но, с другой стороны, далеко не всегда их положительная роль во время подъема революции объясняется правильностью их «точки зрения».

Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась. Так формулирует эту сторону дела тов. Ленин. (Сочинения, том XVII, стр. 183.)

В другом месте:

Революционер не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот,

кто при наибольшем разгуле реакции... отстаивает принципы и лозунги революции. (Ленин. Соч. XII, 2, 151.)

Это не совсем то, что у тов. Троцкого.

Поставим все точки над *i*. Чем определялась позиция партии большевиков в октябре? Она определялась всей предыдущей историей партии, ее борьбой со всеми видами оппортунизма, от крайних меньшевиков до троцкистов включительно (например, «августовский блок»). А можно ли сказать, что правильная (ибо совпадающая с большевистской) в Октябрьские дни позиция тов. Троцкого вытекала из его позиции в подготовительный период? Очевидно, нельзя. Наоборот. Если бы случилось в свое время историческое чудо и рабочие-большевики вняли бы проповедям тов. Троцкого (единство с ликвидаторами, борьба против ленинской «кружковщины» и «сектанства», меньшевистская политическая платформа, во время войны — борьба против циммервальдовской левой и т. д.), то тогда не было бы и октябрьской победы. Между тем тов. Троцкий всячески избегает касаться именно этого периода, хотя его-то обязанностью было бы поделиться с партией как раз этим «уроком».

Приведем еще пример. На октябрьских баррикадах бок-о-бок с нами мужественно сражались и многие левые эс-эры. В решающий момент Октября они внесли и свою лепту в дело победы.

Но значило ли это, что они-то были раз-навсегда «проверены» Октябрем? Увы, отнюдь нет, что и

показал *послеоктябрьский* опыт, который подтвердил в значительной мере *дооктябрьскую* оценку этих мелкобуржуазных революционеров.

Итак, одного Октября, изолированного, для «проверки» отнюдь не хватает. Скорее перевешивает другой мотив, тот, на который так категорически указывал тов. Ленин.

Итак, положение тов. Троцкого о том, что «большевизация» компартии состоит в таком воспитании их и в таком подборе «руководящего персонала», «чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября», это положение делается правильным, *поскольку в него включается усвоение опыта «подготовительного периода»*. Ибо даже *непосредственный* опыт русского Октября не может быть ни понят, ни усвоен, *если не усвоить, как следует, уроков этого подготовительного периода*.

Тов. Троцкий, который рассматривает дело так, что по сути у него партия большевиков начинает существовать «*по-настоящему*» лишь с Октябрьских дней, не видит *преемственности* партийной линии вплоть до «текущего момента».

И точно так же он поэтому не видит, что *после* взятия власти, даже после конца гражданской войны, история вовсе не кончилась. Равным образом не кончилась и история нашей партии, история, которая *тоже* есть «проверка линии», ибо она включает в себя не только разговоры о той или другой точке зрения, но и опыт *практической политики*.

«Дрейфить» нельзя было в Октябре. Но «дрейфить» нельзя было и во время Бреста (где дело, по пони-

манию тов. Троцкого, шло о «голове», т. е. о жизни или смерти Советской власти). «Дрейфить» нельзя было и в дискуссии 1921 г., ибо без ленинской линии мы и здесь рисковали почти всем. «Дрейфить» не годилось и в прошлом году, ибо без денежной реформы, без проводимой партией экономической политики и т. д. мы тоже были бы в отчаянном положении. А во всех этих «критических» пунктах тов. Троцкий «дрейфил», причем «дрейфил» — то он *по тому же типу*, что и в дофевральский период своего политического существования, когда он еще не порвал с прямыми противниками большевизма.

«Традиции революционной партии, — пишет товарищ Троцкий (62), — создаются не из недомолвок, а из критической ясности». Очень хорошо. Но требование «критической ясности» должно быть полностью сохранено не только по отношению к действиям, разыгравшимся в Октябре, но и к предыдущему, и к последующему периоду развития. Только так можно дать «действительную проверку», ибо партия пролетариата *постоянно* действует, и «критический» период у нас не один.

II. УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И БОРЬБА ВНУТРИ ПАРТИИ.

Нужно ли замалчивать Октябрь и его пролог — Февральскую революцию? Отнюдь нет. Это было бы или недобросовестно или глупо. Но совершенно напрасно тов. Троцкий намеками, полунамеками, а также и откры-

тymi возгласами хочет создать такое впечатление, что истории Октября «не повезло», ибо тут был какой-то умысел (неверная «полусознательная оценка»). Вряд ли уместны такие, например, сентенции, что —

...еще недопустимее было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах Октябрьского переворота, имеющих международное значение. (XII.)

Конечно.

Но, во-первых, тов. Троцкий скрывает, что об Октябре было написано никак не меньше, чем о всяком другом периоде; в сочинениях Ленина этот период получил блестящую оценку, из которой все действительные уроки Октября партия может черпать еще долгое время.

Во-вторых, тов. Троцкий замалчивает, что означенные «персоны» неоднократно признавали свою ошибку, и она (эта ошибка) известна всей партии.

В своей «Истории РКП» и в более ранних выступлениях об этом совершенно открыто говорил тов. Зиновьев, который не раз и перед партией, и перед Коминтерном заявлял о том же: об этом говорил тов. Ленин, который, однако, никогда и нигде не ставил этой ошибки в связь с текущей послеоктябрьской работой ошибавшихся в Октябре товарищей¹⁾.

¹⁾ Кстати, необходимо упомянуть о некоторых фактах. Несмотря на разногласия, Каменев был, по предложению Ленина, выбран на апрельской конференции в ЦК партии и председательствовал по поручению ЦК на II съезде советов

Теперь же тов. Троцкий, используя эти ошибки, хочет ревизовать всю партийную линию и «исправлять» всю партийную историю. В этом гвоздь рассуждений тов. Троцкого.

Весь анализ событий от апреля по октябрь ведется так, будто разногласия, «раздиравшие» партию, все обострялись, пока не разразились конфликтом, чуть было не приведшим к краху. И только благодаря усилиям тов. Ленина, имевшего смелость идти против ЦК и поддержанного тов. Троцким, «предвосхитившим» основные идеи Ленина, революция была спасена.

В этом анализе вряд ли есть что-либо, что соответствовало бы действительности.

Прежде всего у тов. Троцкого исчезает партия. Ее нет, ее настроение не чувствуется, она исчезла. Есть Троцкий, издали виден Ленин, есть какой-то непонятливый анонимный ЦК. Отсутствует деликом петроградская организация, действительный коллективный организатор рабочего восстания. Вся историография тов. Троцкого скользит исключительно по «верхнему верху» партийного здания. Что же касается всего

в момент восстания; уже в ноябре 1917 г. Зиновьев, который расходился с ЦК вообще лишь на несколько дней, по поручению ЦК партии выступал во ВЦИК с докладом за разгон учредилки; на VII съезде (начало марта 1918 г.) Зиновьев выступал по поручению ЦК с защитой ленинской линии против Троцкого и «левых». Следовательно, вся партия отнюдь не рассматривала октябрьской ошибки названных товарищей иначе, как преходящее разногласие; наоборот, она поручала им ответственнейшие роли, несмотря на то, что она ни на одну минуту не оправдывала ошибок этих товарищей.

партийного костяка, то напрасно мы стали бы рассматривать эту загадочную картинку: «Где партия?», нарисованную искусной кистью тов. Троцкого. Разве марксисты могут так писать историю? Это карикатура на марксизм. Писать историю Октября и *проглядеть партию*, — это значит — обеими ногами стоять на индивидуалистической точке зрения, на точке зрения «героев и толпы». На ней воспитывать членов партии нельзя.

Но и с точки зрения анализа *только руководящей верхушки* летопись тов. Троцкого не заслуживает одобрения, ибо она *искажает* действительность. Посмотрите, как изображает тов. Троцкий ход событий:

Решения апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло вместе с ходом событий принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции — в дни Октября. (XXXI.)

После июльских дней:

Мобилизация правых элементов партии усилилась: критика их стала решительнее. (XXXII.)

Наконец — перед Октябрем:

Надобности в экстренном съезде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую пере-

движку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции предпарламента. (XXXVI.)

Все это крайне... «неточно». Ибо уже ко времени VI съезда партии произошла полная идейная консолидация партии. Выбранный на VI съезде Центральный Комитет безусловно стоял на платформе восстания. Колоссальное влияние Ленина на ЦК имело место, ибо сам Ленин был руководящим деятелем, как это известно всем и каждому. Но изображать дело так, будто бы большинство ЦК было чуть ли не против восстания, это значит — не знать ни партии, ни ее тогдашнего ЦК, это значит грешить — против истины. Разве 10 октября восстание не было решено подавляющим большинством ЦК? При чем же тут необходимость в особой роли тов. Троцкого? Величайшая энергия, поистине неистовая революционная страсть, гениальный анализ событий и громадная гипнотизирующая сила писем тов. Ленина оформляли то, что было и мнением подавляющего большинства самого Центрального Комитета. Но тов. Троцкому обязательно хочется *оторвать Ленина от ЦК, противопоставить их*, разорвать между ними ту неразрывную связь, которая на самом деле ни на минуту не прерывалась. Искажать историю нельзя.

Если бы это было не так, если бы было верно то, что говорит тов. Троцкий, то тогда было бы совершенно непонятно: 1) каким образом при конфликте партия не раскололась; 2) каким образом она могла победить; 3) *каким образом конфликт (выход из ЦК нескольких его видных членов) мог быть ликвидирован*

буквально в несколько дней возвращением этих товарищей на свои посты.

А это «чудо» (чудо с точки зрения предпосылок тов. Троцкого), как известно, совершилось, и при том без особенного труда. Можно, конечно, сделать здесь намек на то, что после победы есть много охотников примкнуть к победителям, ибо оных победителей «не судят».

Однако, не следует забывать, что победа в Петербурге и в Москве означала лишь *начало* борьбы, начало громаднейших трудностей, что понимал решительно всякий член партии. Так что эти соображения несколько не могут объяснить то, что подлежит объяснению.

А между тем все нам становится весьма понятным, если только взглянуть на события не с такого эгоцентрического угла, с какого их рассматривает тов. Троцкий. Тогда получилась бы, примерно, такая картина: с апреля по октябрь остатки шатаний внутри партии все время исчезают. К октябрю они становятся минимальными; *партия* целиком, сомкнутым строем, идет в бой: наверху остается все же несколько несогласных с общей линией товарищей. Но именно потому, что *партия* (это очень немало, тов. Троцкий!) была *едина*, именно потому, что подавляющее большинство ЦК шло вместе с Лениным, и эти товарищи были увлечены общим партийно-классовым потоком и немедленно стали на свои посты. Они были «проверены» гораздо более основательно, чем одним днем Октября...

III. ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЗИЦИЯ ТОВ. ТРОЦКОГО.

Но «летопись» тов. Троцкого, равно как и примечания к ней, изображают неправильно не только пропорции внутри партии, но и подготовку «большевизации» самого тов. Троцкого (нас интересует здесь, разумеется, *только* политическая *позиция*).

Из примечаний к книге тов. Троцкого мы узнаем, например, что «статьи Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком «предвосхитили» (!) политическую тактику революционной с.-д. Основные выводы этих статей почти до деталей (!) совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты тов. Лениным в знаменитых «Письмах изда-лека» (370).

Мы узнаем, что «в ходе войны все уменьшались разногласия между точкой зрения «Нашего Слова» и Лениным» (377).

Мы узнаем, с другой стороны, целый ряд подробностей об ошибках «Правды», ряда большевиков и т. д.

Но мы чрезвычайно мало будем осведомлены после прочтения книжки, в чем же *были* разногласия, которые «все уменьшались»; и мы прямо будем введены в заблуждение, если поверим, что тов. Троцкий «предвосхитил»,—как выражается ужасно услужливый редактор книги и автор примечаний тов. Ленднер,—левишскую линию (Ленин и не знал, говоря языком тов. Троцкого, что он «совершает плагиат»).

Между тем, вопрос о позиции во время войны дает ключ и к ряду других вопросов, вводя нас в ту лабораторию, где формировались лозунги, сыгравшие вскоре исключительную, можно сказать, всемирно-историческую роль.

Постараемся напомнить кое-что из этой области.

1. «Мир» или «гражданская война».

Это первое разногласие, разногласие очень принципиальное, ибо здесь как раз и видно, кто и как «предвосхищал» и события, и «тактику революционной социал-демократии». Лозунг гражданской войны, который был поставлен Лениным и большевиками ЦК еще в самом начале войны, был, специфическим лозунгом большевизма, лозунгом, который проводил грань между действительными революционерами и всеми оттенками не только шовинистов, но и интернационалистов мещанского, пацифистского, «гуманитарного», ищущего сближения с центристскими элементами толка. Только резкая постановка вопроса о гражданской войне позволяла отобрать кадр таких революционеров, которые стали впоследствии ядром коммунистических партий.

Тов. Троцкий был самым решительным образом *против* этого лозунга, считая его узким, непригодным для массовой проповеди и т. д. Это ли «предвосхищение» ленинской позиции?

8510501

Библиотека

Классика В. И. Ленин

~~с. 99~~
~~10. 25~~

2. Пораженчество и борьба с ним.

Второй отличительной особенностью большевистской позиции было положение, что революционные соц.-демократы (теперь мы бы сказали «коммунисты») должны в *империалистской* войне желать поражения, прежде всего, *своему* правительству. Тов. Троцкий определял эту позицию как национализм навыворот, или наппонализм с отрицательным знаком. Однако, теперь совершенно ясен глубокий смысл этой ленинской позиции, корнями своими уходящей к основным истокам большевистской мысли. Именно к основным истокам ее. Стоит только посмотреть, например, на недавно опубликованную полемику Ленина с Плехановым по поводу проекта программы Р.С.-Д.Р.П. («Ленинский Сборник», № 2), чтобы понять это. В полемике с Плехановым В. И. упрекает плехановский проект в том, что это учебник, а не объявление войны; там говорится о капитализме вообще, а нам нужна война против *русского* капитализма — таков смысл этой полемики со стороны В. И. Почему настаивал на этом Ленин? Именно потому, что он был *борцом*, а не декламатором. Лозунг поражения *своего* правительства был *объявлением* войны всякому, хотя бы и скрытому под тюфяками благородных фраз национализму, всякой, хотя бы и скрытой искуснейшими масками, оборонческой позиции. Это был наиболее резкий разрыв, разрыв *на деле*, всякой связи со «своим» буржуазным государством. И именно *такой* позицией обуславливалась на деле, на живом примере, *интерна-*

ционалистская позиция большевизма. Это было второе принципиальное расхождение Троцкого с большевиками.

3. Единство с меньшевистской фракцией Чхеидзе.

Уже во время войны тов. Троцкий продолжал стоять за единство с такими элементами, как фракция Чхеидзе, не имея мужества пойти на решительный организационный разрыв, который был необходимой предпосылкой правильной политики. Недаром Ленин так боялся, что некоторые товарищи поддадутся на удочку троцкизма. Любопытно также и то, что тов. Троцкий еще в мае 1917 г. не понимал своих прежних ошибок. Так, на стр. 380 разбираемой книги мы читаем:

7 мая 1917 г. открылась общегородская конференция объединенных с.-д. (большевиков и интернационалистов). Конференция приветствовала тов. Троцкого, присутствовавшего в качестве гостя. Отвечая на приветствие, тов. Троцкий заявил, что для него, *всегда стоявшего за необходимость единства с.-д. сил* (курсив наш. Ред.), само по себе единство не является самоцелью, и в формулу эту должно быть вложено революционное содержание и т. д. (стр. 380)¹⁾.

¹⁾ Речь идет о так называемых «межрайонцах», которые существовали параллельно большевикам и отставали в это время единство с «левыми» меньшевиками. Вошли вместе с тов. Троцким после июльских дней в большевистскую партию.

Отсюда с полной ясностью вытекает, что тов. Троцкий не только не проклинал своей борьбы за единство с ликвидаторами и т. д., но эту свою громадную ошибку, губительную ошибку, подводил чуть ли не как базис для объединения с большевиками, на этот раз, к счастью, соглашаясь вложить в «формулу» «революционное содержание».

К сожалению, та же недооценка всей глубины ошибок в организационном вопросе (она целиком проявилась у тов. Троцкого в прошлогодней дискуссии) сквозит даже теперь. Тов. Троцкий оправдывается от упреков (какого-нибудь из глубокомысленных дьячков вроде тов. Сорина), упреков в борьбе против большевистской «кружковщины» методом более чем странным:

Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонам нужно прекратить обособленное существование (66).

Итак, уже призывая к объединению с большевиками, тов. Троцкий порицал большевистскую кружковщину, как злое наследие злого прошлого. Но «отказываемся ли мы от наследства»? Ни капли. Ибо эта так называемая кружковщина была на самом деле методом задания нашей партии, т.-е. организационным принципом большевизма. И если тов. Троцкий на 65 стр. своего «Предисловия» пишет, что он признал «свои большие организационные ошибки», а на 66 странице оправдывает обвинение до-революционного

большевизма в «кружковщине», то это значит, что он еще не свел концов с концами и не извлек еще всех уроков из истории нашей партии. Но он и не сможет этого сделать, если днем рождения партии будет считать день ее объединения с межрайонной или даже славные дни Октября, когда сам тов. Троцкий в муках рождался как большевик.

4. Борьба с циммервальдской левой.

Наконец следует упомянуть и о позиции тов. Троцкого в «мировом масштабе». Ведя борьбу с шовинистами, социал-патриотами и т. д., тов. Троцкий был издевательски настроен по отношению к циммервальдской левой. Он считал ее тоже «кружковщиной» и большевистской дурью, которая уже совсем мало приспособлена к «заграничным условиям». Еще в Америке, где, по уверениям тов. Ленинера, тов. Троцкий предвосхитил позицию тов. Ленина, он вел активную борьбу против солидаризации с циммервальдской левой. Этот «раскол» с «центристами от Циммервальда» тов. Троцкий одобрить не мог. Между тем товарищи-редакторы «Семнадцатого Года» отнюдь не позаботились о том, чтобы осветить для международного пролетариата и этот пункт нашей партийной истории который для Интернационала так же важен, как и вопрос о гражданской войне, о пораженчестве и т. д. Ибо речь шла ни больше ни меньше, как о выборе между Вторым и Третьим Интернационалами.

5. Концепция «перманентной революции».

Тов. Троцкий, оказывается, не только «предвосхитил» ленинскую позицию, но и оказался прав по одному из важнейших пунктов нашей революционной теории и одновременно нашей революционной стратегии, именно по вопросу о «перманентной революции». Тов. Троцкий пишет по этому поводу следующее:

Ленин дал еще накануне 1905 г. своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство. (XVII.)

Что сей сон означает? В 1905 году была борьба между большевиками, выставившими лозунг «Диктатура пролетариата и крестьянства» с одной стороны, группой Троцкого — Парвуса, выставившей лозунг «Долой царя, а правительство — рабочее!» — с другой, и поляками во главе с Розой Люксембург, которые выставили формулу «Пролетариат, опирающийся на крестьянство» — с третьей.

Кто же оказался прав? Тов. Троцкий уклоняется от того, чтобы дать решительный ответ, ответ всеми словами. Но косвенно он «утверждает» именно свою правоту: ленинская формула могла быть «лишь» (1) этапом к формуле Троцкого.

Но вот это-то и неверно, что тов. Троцкий оказался правым. Он оказался именно неправ, и именно «дальнейшее развитие» доказало его неправоту. Ибо специфичность позиции тов. Троцкого как раз в том и заключалась, что он *хотел перескочить через такой «этап», через который перескочить было нельзя* (забыл «мелочь»: крестьянство).

Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизмом вообще, — писал тов. Ленин, — надо уметь найти в каждый момент то *особое звено цепи*, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю *цепь* и *подготовить прочно переход к следующему звену*. (Сочин. XV, 223.)

Но именно этого и не давали лозунги тов. Троцкого. Он «перемахивал» *через* то «особое звено», за которое нужно было всеми силами уцепиться, он недооценивал роли крестьянства, а поэтому *практически* изолировался и от рабочих:

Лозунги превосходные, увлекательные, опяляющие, — почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы. (Ленин. Сочин. XV, 100.)

И из того, что через много лет и *после* того, как мы *перешагнули* через определенный этап, началась социалистическая революция, отнюдь не следует, что тов. Троцкий был прав. Такое утверждение одновременно противоречило бы действительности и опиралось бы на непонимание сути тактики большевизма,

всей его, если так можно выразиться, политической методологии, которая соединяет упорное движение к одной великой цели с суровой трезвостью, отбрасывающей прочь все предрассудки и все лишнее в оценке каждой конкретной ситуации. И здесь тов. Троцкий оказался *неправ*. И здесь его книга *совершенно неверно ориентирует читателя*. Мы уже не говорим о том, что тов. Троцкий умалчивает, как его «перманентная» и ультра-левая *фраза* сочеталась с весьма правой политикой и с ожесточенной борьбой против большевиков.

IV. «УРОКИ ОКТЯБРЯ» И КОМИНТЕРН.

Одним из практических стержней, на которых построено «Предисловие» тов. Троцкого, является стремление, мягко выражаясь, «оспорить» политику Исполкома Коминтерна. Дана задача: взять реванш за проигранную в 1923 г. дискуссию, выступив уже не только против линии ЦК, но и против линии Коминтерна в целом. Для этого можно исказить и смысл важнейших эпизодов классовой борьбы пролетариата в Германии и Болгарии. Здесь можно намекнуть и на то, что ошибки отдельных наших товарищей в 1917 г. предопределили неуспехи коммунистов в Германии и в Болгарии в 1923 г. Схема рассуждений, если ее освободить от облекающих ее словесных одежд вуалесобразного типа, здесь довольно проста. X, Y, Z ошибались в Октябре *русском*. X, Y, Z руководят теперь Коминтерном. Коминтерн

проиград сражения а, в, с. Следовательно, в этом виноваты X, Y, Z, которые продолжают здесь свои русско-октябрьские традиции. В этом *der langen Rede kurzer Sinn* (короткий смысл длинной речи).

Рамка этого совершенно смехотворного спллогизма наполнена конкретным содержанием. Нужно поэтому критически осветить это содержание, и тогда сама собой рухнет и вся затейливая постройка тов. Троцкого:

Пункт I. Болгария. Тов. Троцкий пишет:

Мы имели в прошлом году два жестоких поражения Болгарии: сперва партия, по соображениям *доктринерски - фаталистического* (наш курсив. *Ред.*) характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после польского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических, ни организационных предпосылок». (XII.)

Как легко увидит читатель, здесь за основу поражения берется: 1) меньшевистский фатализм, 2) бесшабашный оптимизм («без подготовки» и т. д.). Обе эти черты даны также при характеристике типов октябрьского оппортунизма. Итак, «смычка» с русским Октябрем и теперешним компштерновским руководством дана полностью и целиком.

Однако, присмотримся поближе к *фактам*. Первое поражение было в результате того, что болгарская

партия совершенно неправильно подходила к *крестьянству*, не сумела оценить ни его движения, ни роли Земледельческого Союза в его целом, ни его левого крыла. Она стояла скорее на позиции: «Долой короля, а правительство — рабочее». В решительную минуту, когда нужно было взять руководство и подняться на гребне громадной крестьянской волны, партия заявила, что она нейтральна, ибо борьба идет между буржуазией города и буржуазией деревни, а пролетариат здесь не при чем. *Таковы* были «соображения» болгарской компартии. Они зафиксированы, все это можно проверить документально. Если брать аналогии с нашим Октябрем (кстати сказать, теперь-то мы уже должны, казалось бы, научиться более осторожному обращению с аналогиями), то скорее нужно было бы брать *Корниловские дни* (Керенский — Стамбульский, Корнилов — Цанков). Но здесь, если судить даже по изложению самого же тов. Троцкого, *слишком* заступались за Керенского, не понимая «грань» между борьбой *против Корнилова и защитой Керенского*. В Болгарии же была сделана *противоположная* ошибка.

В чем же тут «уроки Октября»?

К тому же, товарищи, сидящие в ИККИ, в *корниловские дни* занимали совершенно правильную позицию, а весь ИККИ в целом совершенно правильно критиковал и подгонял болгарскую компартию.

Второе поражение в Болгарии — факт, и тов. Троцкий описывает условия, при которых оно разразилось. Но, скажите на милость, тов. Троцкий, что же, вы поддерживаете здесь старую формулу Плеханова времен

его меньшевистского упадка: «Не надо было браться за оружие»?

Надо или не надо было болгарским коммунистам браться за оружие?

Да или нет?

Тов. Троцкий не отвечает. По-нашему, браться за оружие было *надо*, так как только такой ценой можно было удержать связь со стихийно шедшим в бой крестьянством. Времени же на подготовку не было. Вот *действительная* картина событий. «Уроки» тов. Троцкого здесь не при чем.

Пункт II. Германия. Еще интереснее вопрос о прошлогоднем октябрьском поражении германского пролетариата.

Мы наблюдали там во второй половине прошлого года *классическую* (наш курсив. *Ред.*) демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения. (XII.)

Итак, по тов. Троцкому, ошибка состояла здесь в том, что был упущен «классический» момент. Нужно было во что бы то ни стало вести на решающую битву, и тогда победа была бы за нами. Тут тов. Троцкий проводит полную аналогию с Октябрем в России: там тянули—и здесь тянули; там, под давлением Ленина—*решились*, выступили и победили; здесь—*без* давления Ленина—не решились и упустили

момент, а теперь—под влиянием русско-октябрьских традиций—расписывают, что силы были недостаточны для решающего боя. Такова схема «германских событий» у тов. Троцкого.

Однако, и здесь перед нами налицо «царство схематизации» и скучное царство серой абстракции. Тов. Троцкий изображает, как писалась бы история, если бы в русском ЦК противники восстания очутились в большинстве: оказалось бы, что и сил было мало, и враг был ужасно страшен и т. д.

Все это лишь внешне убедительно. Да, так, вероятно, писалась бы история. Но это вовсе не доказательство того, что силы немецкой революции не были переоценены в октябре 1923 г.

Неверно именно то, что момент был «классическим». Ибо гораздо сильнее, чем мы думали, оказалась социал-демократия. Аналогия с русским Октябрем здесь вообще мало уместна. В Германии не было вооруженных солдат, стоящих за революцию; не было в наших руках лозунга мира; не было аграрно-крестьянского движения; не было такой партии, как у нас. Но, кроме всего этого, оказалось, что социал-демократия еще не изжила себя. Вот эти конкретные факты нужно было опровергнуть. Во время решающих событий ИККИ стоял именно за Октябрьскую линию. Когда она провалилась в силу объективных условий и когда она провалилась «более, чем следует», в силу правового руководства, тогда тов. Троцкий, на деле поддерживавший именно правое, оппортунистическое, капитулянтское крыло и неоднократно борющийся

против левых ¹⁾, подводит «глубокий» теоретический базис под свою концепцию и замахивается ею на руководящие круги Коминтерна. *Так* извлекать уроки не годится ни из русского, ни из немецкого «Октября».

И совсем уж не годится настаивать на некоторых своих ошибках, на которых еще и посейчас настаивает тов. Троцкий.

Одним из уроков (действительных уроков) германского Октября является тот урок, что перед выступлением нужна величайшая раскачка масс. Между тем, эта работа очень отставала. В Гамбурге, например, во время восстания не было ни стачек, ни советов. По всей Германии советы отсутствовали, ибо, по мнению тов. Троцкого, так и следовало делать. — их «заменяли» фабзавкомы. На самом же деле фабзавкомы не могли заменить советов, ибо не спланивали всей массы, вплоть до самых отсталых и индифферентных *так*, как это делают советы в критические и острые моменты классовой борьбы.

* * *

Книга тов. Троцкого призывает к изучению Октября. Сам по себе этот лозунг не представляет ничего нового. Он уместен и для наших партийных рядов, он уместен и для наших иностранных товарищей. Но книга тов. Троцкого, вернее ее предисловие, претендует на роль *спутника* в деле этого изучения. И тут мы должны решительно сказать: *этой* роли она выполнить

¹⁾ Здесь — такой же «метод» политики, как и в до-революционное время: «левая позиция на словах, правая — в делах».

не может. Она лишь собьет с толку тех товарищей, которые за внешней стройностью изложения проглядят полное смещение пропорций, искажение действительной партийной истории! Это — не зеркало партии. Это — ее *кривое* зеркало.

Но появление этого «кривого зеркала» отнюдь не случайно. После всего вышесказанного трудно видеть, куда, как выражался Ленин, «растут» намеченные т. Троцким выводы.

В самом деле. Если, как неправильно изображает дело тов. Троцкий, в октябре 1917 г. что-либо путное можно было сделать только против ЦК, то не может ли повториться и теперь такая ситуация? Где гарантия того, что руководство будет правильно? И правильно ли оно сейчас? Ведь, «единственная» проверка, это — октябрь 1917 г. Так можно ли доверять тем, кто этой проверке не выдержал? И не благодаря ли руководству этих вождей Коминтерн терпит поражение и в Болгарии, и в Германии? Не *нужно* ли «изучать Октябрь» так, чтобы прощупать именно *эти* вопросы?

Вот комплекс тех «проблем», к которым исподволь подводит читателя тов. Троцкий после неудавшейся лобовой атаки прошлого года. Но тов. Троцкий может быть вполне уверен, что партия сумеет во-время оценить эту тихую сапу. Партия хочет работы, а не новых дискуссий. Партия хочет подлинного большевистского единства.

Библиотека

Иосифов В. Е. Доклад

Редакция «Исправды»
Москва.

